

ЭТНОЭКСПЕДИЦИЯ «УРАЛ–2012»*

Летом и осенью 2012 г. Уральская Этно-Экспедиция под руководством чл.-корр. РАН А. В. Головнёва проводила исследования по программе «Этнокультурное наследие и идентичность». Экспедиция организована как долгосрочный совместный проект фундаментальных и прикладных исследований кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета, сектора этноистории Института истории и археологии УрО РАН и НП «Этнографическое бюро». В рамках ЭтноЭкспедиции работали 4 отряда: Полярный (Ямало-Ненецкий автономный округ, Шурышкарский район, с. Мужы, пос. Восяхово, Усть-Войкар, Вершина Войкар), Северный (Свердловская обл., Ивдельский район, г. Ивдель, пос. Бурмантово, Хорпия, Ушма, Тресколье, Верхняя Плотина), Центральный (Свердловская обл., Нижнесергинский район, гг. Нижние Серги, Верхние Серги, Михайловск, дд. Шарама, Уфа-Шигири, Урмикеево, Акбаш, Аракаево, Перепряжка, Красноармеец) и Южный (Челябинская обл., Нагайбакский район, сс. Париж, Фершампенуаз, Кассель, Остроленка, Арси). Кроме того, пилотные исследования провел Городской отряд (г. Екатеринбург). В ЭтноЭкспедиции участвовали преподаватели, студенты и магистранты исторического факультета УрФУ, научные сотрудники и аспиранты ИИиА УрО РАН.

Цель Уральской ЭтноЭкспедиции — сбор материалов для создания этнокультурной панорамы Урала от Арктики до Великой степи. В полевых исследованиях выделяются основные ориентиры: детальная фиксация этнокультурного многообразия и вариаций идентичности, сюжеты этнодиалога и этнодипломатии, динамика традиций и новаций, выявление древних и современных путей и коммуникаций. Методами сбора информации служат интервьюирование (по общему «Беседнику» и специальным вопросам), анкетирование (по включающей 74 вопроса анкете

«Культурное наследие и идентичность» и наблюдение (включая фото- и видеосъемку).

Полярный отряд

Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа — один из тех, где нет добычи полезных ископаемых и существенна доля госдотаций. На начало 2012 г. в районе проживало 9807 человек, из них 3729 — в райцентре, с. Мужы. Основными народами, населяющими район, являются ханты (52,25% по переписи 2010 г.), коми (21%) и русские (20,8%).

Главными проблемами, которыми были обеспокоены местные жители в июне-июле 2012 г. (время полевых исследований), были административные запреты на вылов рыбы и прогнозирование ущерба от создания Сыско-Войкарского заказника, изначально нацеленного на сохранение и приумножение белой рыбы. Этот заказник охватывает верховья рек Сыня, Войкар, Танью и оз. Варчато. Предполагается полное запрещение какой-либо хозяйственной деятельности на территории заказника. Ханты, коми, русские, среди которых много охотников и рыболовов, возмущены таким решением, особенно на фоне известий о том, что на территории заказника уже успели построить свои резиденции работники окружной администрации. Некоторые ханты и коми полагают, что создание заказника приведет к тому, что живущие в верховьях рек олениводы ханты и коми будут вынуждены покинуть свои родные места и спуститься в низовья рек, к поселкам, где они, скорее всего, сопьются. Исчезновение последних островков традиционной культуры в верховьях рек, по мнению местных жителей, приведет к забвению национальных традиций и потере этнической идентичности.

На Войкаре сохранились действующие хантыйские святилища, на которых совершаются ритуалы и жертвоприношения. В пос. Ханты-Мужы старые и испортившиеся вещи до сих пор выбрасывают не в мусорные баки, а уносят в лес и вешают на дерево. На вопрос, зачем они так поступают, следует ответ, что таким образом они хоронят вещи на «кладбище вещей» в лесу. В с. Мужы были зафиксированы следы старых табу: в школе-интернате

ЭтноЭкспедиция «Урал 2012» проведена при поддержке грантов «Этноэксспедиция «Культурное наследие Урала»» (РГНФ № 12-01-18089/12), «Идентичность русского и мансийского населения Урала: история и современность» (РГНФ-Урал № 11-11-66-009а/У) и «Аудиовизуальные технологии в актуализации этнокультурного наследия» (госзадание Министерства образования и науки РФ по НИР УрФУ 2012 г.)

дети знали, что женщина не должна переступать детские и мужские вещи, хотя и не могли объяснить смысл этого запрета. Кроме того, в Мужах были зафиксированы некоторые приметы, связанные с рыболовным промыслом — например, при первом выходе на воду нужно обязательно смочить голову речной водой.

Одним из факторов сохранения этничности в поселках Шурышкарского района является деятельность многочисленных национальных ансамблей, таких как коми «Шондыбан», «Асья Кыя», хантыйских «Ай Ас ёх», «Щеня ёх», «Опыль тут». Участницы хантыйских ансамблей, в основном уроженки пос. Овгорт, с удовольствием поют песни на хантыйском языке, хотя иногда не владеют им. Они участвуют в организации национальных праздников, например, популярных Вороньего дня и Дня середины лета. Однако среди хантов находятся недовольные национальными фестивалями; они видят в фестивалях осквернение ритуалов, которые предназначены для хантов, а не для широкой публики. Из-за этого ритуал утрачивает свой смысл, превращаясь в театрализованное действие. Примечательно, что представительницы хантыйских ансамблей охотно исполняют песни коми, русских или татар, а женщины из коми-ансамблей знают русские и хантыйские песни.

Одежда, особенно женская, по мнению хантов, является символом народа. Респонденты-коми также отмечали, что коми-зырянский сарафан может выступать как символ их народа. Старшее поколение женщин-коми до сих пор ходит в традиционной одежде, у младшего поколения девушек-коми сохранились коми-зырянские сарафаны их бабушек и матерей. Мужчины-коми, особенно старшего поколения, находят девушек в коми-зырянской одежде более привлекательными, чем в современной.

По результатам опроса, этничность продолжает играть значимую роль в жизненных ориентациях жителей Нижней Оби, особенно коренного населения. Большинство опрошенных — хантов, коми и русских — выражает негативное отношение к смешанным бракам. По распространенному мнению, они рано или поздно влекут за собой «развод». Впрочем, те же респонденты отмечают, что смешанный брак «связывает разные народы».

В оценке своего народа неизменно звучат позитивные характеристики, в отношении соседей нередко обратные акценты. Для рус-

ских и части коми их национальность является преимущественно «внутренним чувством», а для хантов и части коми — «предметом гордости». Одни видят в этой хантыйской «этногордости» проявление национализма, другие считают ее проявлением ревностного отношения к культуре предков.

Противоречивой и конфликтной в межэтническом диалоге остается проблема льгот, предоставляемых коренным малочисленным народам Севера. Если русские относятся в большинстве своем к этому «преимуществу» коренных жителей спокойно, хоть и сетуют на то, что льготы не способствуют повышению уровня жизни хантов, то коми выражают возмущение большим количеством льгот, а особенно тем, что сами коми таковых не имеют. По словам женщин-коми (особенно в Восяхово) такое положение дел не только морально разлагает хантов, делая их «нахлебниками», но и является причиной раздоров между хантами и коми, порождая зависть и злобу. Ханты и коми часто говорят о себе: «Мы народ мастеровой!» Это звучит иначе, чем «народ льготный». Проблема льгот, унаследованная с советских времен, представляется актуальной и самим жителям, и исследователям.

Северный отряд

В Ивдельском районе Свердловской области проживает группа уральских (лозьвинских) манси численностью около 150 человек. В 2012 г., в дополнение к исследованиям прежних лет, был сделан акцент на комплектовании фотофонда, в частности сборе фотографий 1930–1970-х гг. из семейных альбомов манси и русских, интересующихся историей края и хранящих «экзотические» снимки в личных фотоархивах.

Бережно хранимый семейный фотоархив — ценный этнографический материал. Этот источник способен не только привнести в этнографическое исследование новые факты, но и наглядно представить динамику традиций и новаций в культуре народа. Сегодня, когда многое из традиционной культуры обских утроб утрачено, зафиксированные разными людьми этнографические реалии становятся особенно ценными. Неотложность сбора фотодокументов вызвана и печальным опытом прежних лет, когда многие семейные фотоальбомы вместе с прочим имуществом мансийских семей погибали в лесных пожа-

рах, бушевавших на территории Ивдельского района несколько лет подряд.

Оцифровка проводилась с помощью сканера и компьютера, питаемых от привезенного с собой портативного электрогенератора. Такой способ, в отличие от распространенной «пересъемки» цифровым фотоаппаратом, позволяет получить снимок с максимальной детализацией и без оптических искажений, наиболее пригодный для публикации. Кроме того, сканирование является единственным приемлемым способом оцифровки отпечатков малого размера. Информация о снятых сюжетах была получена из подписей к фотографиям, нередко включающих привязку к местности и дату съемки, а также в ходе бесед с владельцами семейных альбомов.

Сами манси в середине прошлого века не владели техникой фотографии, съемку, как правило, осуществляли приезжие — фотокорреспонденты, геологоразведчики, лесозаготовители, ученые, туристы. Присланные отпечатки фотографий и составляют большую часть семейных фотоархивов.

Судя по снимкам 1930–1950-х гг., фотосессии не вызывали удовольствия коренного населения: мужчины на фотографиях в скованных позах, женщины стараются закрыть лицо платком (последнее связано с представлениями обских угров о душе, согласно которым фотоизображение — визуализация одной из невидимых душ человека). По-видимому, в мансийской среде традиция семейных снимков прижилась только в 1960–1970-х гг., когда эти снимки появились в фотоальбомах.

На фотоснимках запечатлены не только лица и бытовые сцены, но и важные события. Например, День Выборов, во время которого в поселок приезжали манси из дальних юрт и оленеводческих стойбищ. Советский праздник был поводом для встречи с родственниками и знакомыми, давал возможности покрасоваться в новых меховых одеждах, продемонстрировать скорость и маневренность оленьей упряжки. В обыденной жизни таежным культурам свойственна некоторая замкнутость, которая лишь изредка нарушается шумными праздниками. Очаровывающие богатством фольклорных традиций медвежьей игры на старых фотографиях выплескиваются пестротой нарядов и разнообразием сцен.

Традиционными занятиями лозьвинских манси были охота на крупных копытных, рыболовство, пушnodобыча, оленеводство и сбор

дикоросов. Ныне промыслы затруднены ввиду нехватки транспорта, ружей и патронов, отсутствия спроса и возможности сбыта продукции. Оленеводство, например, существовало до середины 1990-х гг., пока не исчезли помогавшие семьям оленеводов леспромхозы и не прекратился государственный забой волков. К сожалению, многие культурные артефакты — традиционные жилища и хозяйственные сооружения, одежда и предметы быта — сегодня можно увидеть только на фотографиях. Прежде всего это касается оленеводства и связанного с ним образа жизни, еще недавно составлявшего основу этнокультурной самобытности народа.

До начала 1990-х гг. манси р. Лозвы оставались одной из самых изолированных групп обских угров. Причиной тому послужило более чем семидесятилетнее существование в уральской тайге Ивдельлага НКВД СССР (образован в 1937 г.). Появление лагерей и колоний-поселений, ведущих масштабные лесозаготовки, вынуждало коренное население уходить с освоенных территорий, оставляя промысловые угодья, стойбища и капища. Вместе с тем жизнь коренного населения в окружении лагерей привела к установлению диалога и к складыванию особой локальной ментальности. В попавших в поле нашего зрения фотозарисовках чувствуется «особое», можно сказать доверительное, отношение лагерных властей с отдельными мансийскими семьями. Обычные фотоснимки русских в мансийской меховой одежде или рядом с оленями и с мансийскими детьми на руках. Нередки встречные перевоплощения, например, снимки манси в офицерской форме. Это выглядит особенно экзотично при наличии у фотографируемого обычных для мужчин-манси длинных кос.

Ценность имеют не только отдельные фотографии. Собранные в альбом отпечатки прошлого — уникальный ряд, отражающий богатство традиционной культуры и трагичность сегодняшнего ее состояния. Зафиксированные сюжеты насыщенной жизни коренного населения 1930–1970-х гг. полны смысла, радости и перспектив. Они свидетельствуют о полноценности жизни обитателей североуральской тайги. Пристальный взгляд стариков в объектив впервые увиденной фотокамеры передает атмосферу таинственности и глубины духовного мира манси.

Современная фотография фиксирует совершенно иную ситуацию. Манси уже не

являются хозяевами тайги. Их охотничьи угодья заняты приезжими, которых не беспокоят вопросы сохранения природы и животных. Навыки оленеводства утрачены, национальными костюмами и предметами пользуются лишь некоторые из стариков. Традиционная модель хозяйствования разрушена, и мансийская семья не в состоянии обеспечить себя пищей, одеждой и транспортом, поэтому полагается и рассчитывает только на помощь государства. Между тем ожидание этой финансовой помощи лишает коренное население стимулов к сохранению традиционного уклада.

Центральный отряд

Многонациональный, но преимущественно русский, Нижнесергинский район Свердловской области относится к числу территорий с «убывающим населением»: в 1989 г. в нем проживало 72,3 тыс. человек, в 2002 — 60,5, в 2010 — 44,5. Соответствует этой динамике и состояние этнокультурных традиций русских, сохраняющихся в самом «усеченном» виде. Среднеуральские малые города, заводские поселки и деревни переживают явно не лучшие времена. Многие русские деревни пустеют и буквально вымирают. Основные проблемы — безработица, отсутствие мест проведения досуга, пьянство. Остатки традиций окончательно «нарушились» в 1970-е гг., чему особенно способствовало развитие телевидения. В г. Михайловске, правда, администрация и работники учреждений культуры пытаются активно использовать тему (бренд) «гамаюнов». Однако стоит отметить, что носителей традиционной культуры «гамаюнов» (крестьян из Костромской губернии, в XIX в. переселенных на Урал) почти не осталось, а потому попытки «реанимировать» старину чаще всего выглядят «новоделом».

Одной из наиболее памятных находок стала общая тетрадь в клетку, куда внучка записала более 300 частушек «на память от бабушки Гали». Было проведено фотокопирование наиболее интересных документов районного архива и библиотеки, получены уникальные фотоматериалы по истории курорта «Нижнесергинские минеральные воды», большое количество фотографий (в том числе дореволюционных) из семейных архивов. Интересные материалы были найдены в местных музеях. Участники отряда познакомились с немногими сохранившимися «ремесленниками»

(например, в Верхних Сергах живет замечательный дедушка-бондарь, изготавливающий кадушки по старинным «рецептам»).

Сотрудниками отряда были зафиксированы данные, касающиеся состояния православия и ислама в районе. В частности установлено, что православные верующие совершают регулярные паломничества «на святые места», одним из которых в последнее время стало захоронение старообрядческой инокини Платониды близ горы Шунут (Ревдинский район), причем паломников не смущает старообрядческое происхождение инокини. Среди местных мусульман обозначилась проблема раскола: благодаря активной деятельности нового молодого имама произошла определенная переориентация в религиозных вопросах «на Казань», что вызвало неприятие у части общины, которая перестала ходить в мечеть.

Для мониторинга межэтнических отношений и сопоставительных наблюдений отряд располагался в нескольких полевых лагерях. Первый лагерь был устроен близ д. Шарама, откуда было удобно одновременно работать в татарских деревнях Уфа-Шигири, Урмикеево, Акбаш, Аракаево, а также русских селениях Перепряжка, Красноармеец, Михайловский завод. В целом это наблюдение показало, что татарское население в большей мере, чем русское, сохранило этнические традиции. Следующий полевой лагерь был оборудован на окраине старой русской деревни Тюльгаш, откуда было удобно проводить этнографическую разведку северной части Челябинской области: деревень Межевой, Ташкиновой, Шемахи, Арасланово. По итогам наблюдений и интервью можно сделать вывод, что наибольший интерес в этом районе представляет культурное наследие староверов.

Южный отряд

Небольшая этнокультурная общность нагайбаков (около 9 тысяч человек), проживающих на Южном Урале, сумела сохранить свою уникальную культуру, несмотря на целый каскад испытаний советского режима: репрессии против казачества, разрушение церквей, коллективизацию. К середине XX в. национальность «нагайбак» была упразднена и вплоть до начала 1990-х гг. в паспорте нагайбака значилось «татарин». Проблема «татарскости» по сей день волнует нагайбаков. «Меня зовут Надежда Павловна, фамилия у меня Фирсо-

ва, какая я татарка?» — замечает жительница с. Фершампенуаз. Однако эти же сложности помогли нагайбакам более чутко отнестись к своей идентичности и сохранить собственную культуру, в отличие от других общностей, которым суждено было затеряться в проекте «советского народа».

Нагайбаки разнородны по своим этническим корням. Нагайбакскими фамилиями считаются как русские (Васильевы, Григорьевы, Алексеевы, Фёдоровы), так и исконно татарские (Юзкины, Ишмекеевы, Маметьевы, Ишменевы). Судя по всему, нагайбакская этнокультурная общность сложилась относительно недавно, с момента переселения из башкирских земель на Южный Урал в 1842 г., благодаря своей сословной (казачьей) обособленности и локализованности (в пределах Новой линии Оренбургского казачьего войска).

Синтез тюркоязычности с православием и казачьей сословностью, а также заметное увеличение внимания к православной культуре (в двух нагайбакских селах, Остроленке и Париже, строятся храмы на средства селян) не привели к отказу от языческих традиций. Наиболее устойчивым нагайбакским обрядом является Аш биру (Большие поминки), состоящий в жертвоприношении в знак поминовения умершего родственника. Еще одним исконно нагайбакским ритуалом считается «баня для покойников» в ночь на Чистый Четверг в Страстную неделю. Подобные языческие обряды вызывают осуждение со стороны православного батюшки, который грозит отстранить прихожан от причастия, но нагайбаки стойчески воспринимают критику, не отступая от традиций предков.

Потомственные казаки-нагайбаки считают себя трудолюбивыми и зажиточными хозяевами (по статистике, нагайбаки лидируют среди народов Челябинской области по доле предпринимателей, около 8 %). Издавна с. Остроленка слыло наиболее крепким нагайбакским селом. В прошлом здесь располагался основной офицерский состав казаков, а сегодняшняя близость федеральной автомобильной трассы позволяет остроленцам использовать экономически выгодные позиции. Ныне в селе Остроленка всего один заброшенный дом, а стоимость жилья не уступает городским расценкам. Остроленцы чутко реагируют на конкуренцию иных этнокультурных групп, например русских или казахов. Это порождает своего рода нагайбакский этнический «про-

тектионизм» и хозяйственно-культурную автономность их группы.

Ослабление советского режима в середине 1980-х гг. пробудило у нагайбаков интерес к возрождению своих традиций. За несколько лет были созданы музеи, фольклорные коллективы, дом ремесел и т. д. Нагайбаки решили «восстановить историческую справедливость» и обратились с просьбой об их признании коренным малочисленным народом. Инициатива этого проекта принадлежала выдающемуся подвижнику нагайбакской культуры, основателю и директору музея с. Фершампенуаз Алексею Михайловичу Маметьеву. Он активно «наводил мосты» с учеными, политиками, активистами, действовавшими в годы Перестройки на поприще этнокультурных движений и международных отношений. Как отмечает Р. А. Сидорина, ключевым событием в деле признания нагайбаков было письмо в Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая: «Главное слово в этом письме было “самоидентификация”. В ответе академического института отмечалось: “Если люди считают себя нагайбаками, пусть они ими будут”». Эта переписка была решающей в деле признания нагайбаков, и несколько лет спустя, 18 июня 1993 г., нагайбаки были включены в «перечень коренных малочисленных народов РФ».

На сегодняшний день нагайбаки, как и другие народы, сталкиваются с вызовами бурной интернационализации и глобализации. Наиболее уязвимой частью культуры нагайбаков является язык. Из-за недостатка бытового общения, отсутствия нагайбакской литературы и собственного алфавита, язык находится на грани вымирания, что в дальнейшем может привести к естественному обрусению. Нагайбакское казачье движение также переживает свой упадок из-за общей социальной нереализованности казаков¹. Активисты казачьего движения отмечают, что отсутствие достойного атамана, недостаток адекватных функций казачества, адаптированных к сегодняшнему дню, ставит под сомнение актуальность современного казачьего движения и вызывает скептические оценки у окружающих.

О героическом прошлом казаков-нагайбаков напомнило празднование 200-летия

¹ Головнёв А. В., Белобородов С. А., Перевалова Е. В. Этноэкспедиция «Урал-2011» // Уральский исторический вестник. № 4 (33). 2011. Екатеринбург. С. 134.

победы в Отечественной войне 1812 г. Нагайбаки считают этот праздник своим, вспоминая не только о героических подвигах казаков, но и подчеркивая символику наименований нагайбакских сел, которые совпадают с местами ключевых побед русской армии М. И. Кутузова. Неудивительно, что одно из самых ярких празднований 200-летия победы на Бородинском сражении прошло в нагайбакском селе со звучным названием «Париж». Нагайбаки-парижане подчеркивают вклад своих предков в победу над Наполеоном: «Не секрет, что наши нагайбаки всегда шли самыми первыми в бой. Сам Наполеон говорил: “Мне бы этих казачков, я бы весь мир взял!”». «Знаменитое французское кафе “Бистро” создали нагайбаки. Они врываются прямо на лошадях в кафе и на ломаном русском языке говорили “Бистро-бистро, налейка чаю!”», — поясняет коренная нагайбачка. Убежденность в решающей роли нагайбаков в победе в Отечественной войне побудила их осенью 2012 г. отправиться в европейские города, от которых произошли названия их родных сел — Париж, Фершампенуаз, Касель, Остроленка и Арси. Главная цель поездки — «побрататься» с жителями городов-омонимов, найти затерянных родственников среди жителей Европы. «Если наши казачки там были, неужели они не наследили?», —

задается вопросом жительница села Фершампенуаз. Участники поездки едут в Европу по следам своих предков «с национальными песнями под гармошку». Этот проект деятельные нагайбаки рассматривают как шаг к дальнейшему развитию своей этнокультурной общности. Они сожалеют, что на сегодняшний день «зажаты в своем селе», малоизвестны за пределами Челябинской области, и стремятся расширить круг общения, заявить о своей уникальности во всем мире.

В настоящее время ведется обработка полевых материалов, анализ статистических и анкетных данных, создание фото- и видеоархива, готовится к публикации альманах «Уральская ЭтноЭкспедиция 2012». На основе собранных фотодокументов (более 500 снимков) подготовлена фотовыставка «Этнопортрет. Ретро: ивдельские манси». История народа в фотографиях оказывается не менее ярка и познавательна, чем писаная история. Первые системно обработанные результаты исследований будут представлены на V Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и соискателей «Мир истории: Новые горизонты. От источника к исследованию», которая пройдет в Уральском федеральном университете в начале декабря этого года.

*С. Ю. Белоруссова, М. С. Калугина,
А. Е. Курлаев, А. С. Палкин*